

Подвиг длиной в жизнь

Хамза стал легендой еще при жизни. Он был человеком дела, поступка. Мы называем первым его имя, когда говорим об истоках узбекской советской поэзии, музыки, театра, просвещения. Разносторонность таланта, целиком отданного народу, служила ему столь почетное место.

«Его удивительная биография — одна из самых героических», — так сказала о Хамзе Константин Симонов. — Удивительный, героический, пламенный — именно таким видится мне сквозь даль годы его образ».

Родившись в марте 1889 года в Коанде в семье лекаря, Хамза (Хамзин Ибн Нини Халбаев) получил хорошее для того времени образование, обучаясь сначала в старометодной школе, медресе, а затем в русско-татарской школе. Углубленно изучает он устное творчество узбекского народа, классическую литературу, произведения со временем узбекских писателей-драматургов. Хорошо овладев русским языком, Хамза знакомится с русской классической литературой.

Высшее достижение драматургии Хамзы — социальная трагедия «Бай и батран», в которой драма непримиримых противников пришла к военному Ферганского округа в завершение: «Теперь наш главный зрителя там, на фронтах. Мы вкладываем сильным оружием — словом, оно крепко поможет быть аргам. Направьте нас на фронт!»

В драматургии Хамзы, как и в стихах, и в прозе, и в публицистике, связной темой является тема положения узбекской женщины, обездоленной и бесправной, но революционной и полной силы. Ее герой — Хамза — вспоминает первых персонажей, простой и сочный язык диалогов.

В социальной комедии «Пренеские казни, или Проделки Майсары» Хамза представляет как писатель-сатирик, едко высмеивающий ханжество и пороки феодально-бакинского общества. Комедия волна волны в красоту душ простых людей. Гуманизм, любовь к земной жизни и борьба за человеческое счастье — вот центральные идеи пьесы.

В драматургии Хамзы, как и в стихах, и в прозе, и в публицистике, связной темой является тема положения узбекской женщины, обездоленной и бесправной, но революционной и полной силы.

Хамза был пламенным патриотом и интернационалистом. Он, как Фуркат и Абай, горячо призывал свой народ к братству с русским народом и изучению русского языка, овладению богатством русской культуры.

В ответ на просьбы буржуазных националистов и духовенства Хамза выступил с публицистическими статьями, в которых клеймила их антинародные и чистоты нравов. Хамза публицистически ярко показывает, что гораздо чаще в деревенском обществе паранджа скрывают черные дела, разрыв и безнравственность, фактически насиждающие и культивируемые двуличными церковниками и властью имущими.

Другими темами творчества Хамзы, в особенности в послепобедный период, стали темы интернационализма и огромной братской помощи русского народа в становлении революционного духа среди тружеников-узбеков, распространении идей марксизма-ленинизма и обновления народа от власти эксплуататоров.

Драматургическое творчество Хамзы партийно в самом глубоком значении этого понятия. Хорошо понимая огромный пропагандистский и нравственный потенциал театра, эффективность его эмоционального воздействия на публику, Хамза вкладывал в свои пьесы сильнейший заряд страстной партийной убежденности, пылкого сердца, художественного мастерства.

Программой его общественной деятельности становится распространение в крае науки и просвещения. Он открывает в Коанде новометодную школу, сам преподает в ней, пишет учебники. Однако инициатива Хамзы встречает резкое противодействие как со стороны царских властей, так и со стороны местного духовенства. Царские власти, неизвестно из-за чего, боялись Хамзу и организовали кровавую расправу над ним. 16 марта 1929 года в кишлаке Шахнамард Хамза, Коанде Низни был убит толпой фанатиков.

Романы Хамзы издавались малым тиражом, и читать их могло только немногочисленное в ту пору грамотное население. В поисках трибуны, с которой можно было говорить с массами, поэт обращается к театральному искусству. Организует любительские театральные коллективы, пишет свои первые драматические произведения «Месть», «Польша знаний», «Отравленная жизнь» и другие.

Хамза прожил очень короткую жизнь — всего 40 лет, из них только неполных двадцать — после Октябрьской революции — им отдано развитие узбекской советской культуры. Из написанных Хамзой более 60 драм, комедий, водевлей, фарсов, сценок, оперы «Кара соч» многие стали шедеврами национальной драматургии, вошли в постоянный репертуар не только узбекских и русских театров в нашей республике, но и украшают сцены театров других союзных и автономных республик Советского Союза, стран социалистического содружества, ряда стран азиатского континента. Его пьесы выдержали проверку временем.

Театром Хамза увлекся еще с юношеских лет, с удо-

вольствием посещал различные народные театрализованные действия — асции, представления кирических, выступления маскарадов, спектакли русских, татарских, азербайджанских трупп, гастролировавших в крае. Он не уловил воровской ограничительной буржуазно-интеллигентского театра джадидов, ему хочется привнести на сцену свое, революционное, демократическое образное освещение жизненных явлений.

Высшее достижение драматургии Хамзы — социальная трагедия «Бай и батран», в которой драма непримиримых противников пришла к военному Ферганского округа в завершение: «Теперь наш главный зрителя там, на фронтах. Мы вкладываем сильным оружием — словом, оно крепко поможет быть аргам. Направьте нас на фронт!»

Хамза ведет жизнь неизвестного простителя, проповедника, агитатора, народного трибуна. В разгар борьбы против интервентов и басмачей он пришел к военному Ферганского округа в завершение: «Теперь наш главный зрителя там, на фронтах. Мы вкладываем сильным оружием — словом, оно крепко поможет быть аргам. Направьте нас на фронт!»

Хамза был пламенным патриотом и интернационалистом. Он, как Фуркат и Абай, горячо призывал свой народ к братству с русским народом и изучению русского языка, овладению богатством русской культуры.

В ответ на просьбы буржуазных националистов и духовенства Хамза выступил с публицистическими статьями, в которых клеймила их антинародные и чистоты нравов. Хамза публицистически ярко показывает, что гораздо чаще в деревенском обществе паранджа скрывают черные дела, разрыв и безнравственность, фактически насиждающие и культивируемые двуличными церковниками и властью имущими.

Другими темами творчества Хамзы, в особенности в послепобедный период, стали темы интернационализма и огромной братской помощи русского народа в становлении революционного духа среди тружеников-узбеков, распространении идей марксизма-ленинизма и обновления народа от власти эксплуататоров.

Драматургическое творчество Хамзы партийно в самом глубоком значении этого понятия. Хорошо понимая огромный пропагандистский и нравственный потенциал театра, эффективность его эмоционального воздействия на публику, Хамза вкладывал в свои пьесы сильнейший заряд страстной партийной убежденности, пылкого сердца, художественного мастерства.

Программой его общественной деятельности становится распространение в крае науки и просвещения. Он открывает в Коанде новометодную школу, сам преподает в ней, пишет учебники. Однако инициатива Хамзы встречает резкое противодействие как со стороны царских властей, так и со стороны местного духовенства. Царские власти, неизвестно из-за чего, боялись Хамзу и организовали кровавую расправу над ним. 16 марта 1929 года в кишлаке Шахнамард Хамза, Коанде Низни был убит толпой фанатиков.

Романы Хамзы издавались малым тиражом, и читать их могло только немногочисленное в ту пору грамотное население. В поисках трибуны, с которой можно было говорить с массами, поэт обращается к театральному искусству. Организует любительские театральные коллективы, пишет свои первые драматические произведения «Месть», «Польша знаний», «Отравленная жизнь» и другие.

Хамза прожил очень короткую жизнь — всего 40 лет, из них только неполных двадцать — после Октябрьской революции — им отдано развитие узбекской советской культуры. Из написанных Хамзой более 60 драм, комедий, водевлей, фарсов, сценок, оперы «Кара соч» многие стали шедеврами национальной драматургии, вошли в постоянный репертуар не только узбекских и русских театров в нашей республике, но и украшают сцены театров других союзных и автономных республик Советского Союза, стран социалистического содружества, ряда стран азиатского континента. Его пьесы выдержали проверку временем.

Театром Хамза увлекся еще с юношеских лет, с удо-

вольствием посещал различные народные театрализованные действия — асции, представления кирических, выступления маскарадов, спектакли русских, татарских, азербайджанских трупп, гастролировавших в крае. Он не уловил воровской ограничительной буржуазно-интеллигентского театра джадидов, ему хочется привнести на сцену свое, революционное, демократическое образное освещение жизненных явлений.

Сергей
ЗАЛЫГИН:

Возвращение

Впервые я побывал в Китае в 1956 году, второй раз — в 1962-м. Так что сего-дняшние впечатления есть с чем сравнивать. Думаю, что теперь наконец-то найдена разумная середина в связях наших государств и народов. В 50-х в этих связях присутствовала эйфория, которая, естественно, не могла долго продолжаться. На смену ей пришла другая крайность — полное отрицание. Отрицание каковой либо возможности взаимных контактов. Только конфликты, только вражда.

Вернувшись на родину, Хамза продолжает свою просветительскую деятельность.

М. С. Горбачев в КНР там находилась

группа представителей многонациональной советской культуры. Наши корреспонденты попросили некоторых из них поделиться своими впечатлениями.

Впереди. Ныне мы вступаем в такой период, когда вновь пробуждается взаимный интерес в области наших литературы и культуры в целом. Это не мешают их собственные проблемы (среди которых едва ли не на первом месте — демографический вопрос). Китай жаждет интегрироваться в мировую цивилизацию. Это позитивный процесс, который, без сомнения, найдет отражение и в исторических исследованиях.

Визит советского руководителя в КНР имеет огромное значение для всей планеты хотя бы уже потому, что каждый четвертый пятый житель земли — китаец.

Прибыв к этому многомиллионному советскому народу,

разумеется, продолжают сопротивляться различия в наших национальных традициях, истории, языках.

Больше всего они отражаются именно в культуре — в ее самобытности, в фольклоре, в понимании изысканных искусств.

Но эти различия лишь обогащают нас, ибо каждый народ, пусть самый небольшой,носит свою лепту в общую сокровищницу мировой культуры.

И чем больше будут развиваться отношения между народами, тем более будут развиваться отрасли, связанные с наукой и производством.

Наши корреспонденты попросили

некоторых из них поделиться своими впечатлениями.

Сергей ЗАЛЫГИН:

Возвращение

Сергей ЗАЛЫГИН:

- Кризис или новое качество? Куда идти дальше кинематографу? Впервые пленум киносоюза обсуждает творческие проблемы.
- Леонид Лихоедов о фильме «Свидетель».
- Новая комедия Л. Гайдая.
- Читатель размышляет: зрителю устал от кино-разоблачений.

ЭКРАН и СЦЕНА

еженедельное обозрение

Веселый марафон

Ничто так не радует театрального человека, как переполненный публикой зал. Не первым всесоюзным фестивалем театральных капустников «Театральный марафон-89» зал помнится от зрителей. Породили все команды академических театров — Малого, Ленинградского имени А. С. Пушкина, комедии. Правда, оценивая команды в качестве одного из судей фестиваля в течение четырех представлений, в сделали для себя неожиданный вывод — члены жюри, остроумные выступления, тем, видимо, больше у коллектива, которые они представляют, материала для самокритики.

Сейчас в марафоне первые. В театрной борьбе за право прославить свой театр и город будут соревноваться две ленинградские команды и сборная Москвы. Они встречаются 27 мая в большом концертном зале «Октябрьский». Залы взмыль утверждают, что «ангарской» не билеты в «Октябрьский» стоят нововведенных дефицитных талоны на чай. Может быть, и врут, но приятно. Дух выше плоти — и это обнадеживает.

Самая смешная, самая остроумная команда, чье действие будят призывы юмора художественно неизвестные современникам, получают призы газеты «Советская культура».

В. ПОТЕМКИН,
член жюри «Театрального марафона-89», наш соб.
корр.
ЛЕНИНГРАД.

Шестнадцатый международный

В пресс-центре МИД СССР состоялись пресс-конференции, посвященные представлениям XVI Международному кинофестивалю в Москве, который будет проходить с 7 по 18 июня 1989 года.

В регламенте кинофестиваля записано, что Госкино СССР, Союз кинематографистов СССР и Моссовет организуют его «в целях выявления и поощрения лучших произведений кинокультуры, развития сотрудничества между кинематографистами различных стран, укрепления дружбы между народами». И, несмотря на то, что дважды кинофорум оставался прежним, председателем Госкино СССР А. Каширцев подчеркнул, что XVI МКФ задуман как фестиваль не стран, а фильмов. «Их будет не конкурсные, члены в прежние годы.

В программе фестиваля конкурсный, кинокритический и retrospective показы игровых картин. Международные жюри, по замыслу организаторов, не только и мобильное, возглавляемое известный польский режиссер А. Вайды, Запланировано проведение интересных retrospective — скажем, таких, как «Зарубежные экранизации русской и советской литературы», «Произведения Г. Маркеса в кинематографии». В рамках фестиваля будут работать кинорыночные, в также профессиональный клуб кинематографистов (ПРОКК-89).

Пресс-центр напоминает коллегам- журналистам, что заявки на аккредитацию принимаются в пресс-центре XVI МКФ Москва до 15 июня 1989 года.

З. МАРИНИНА.

РЕПЛИКА ИЗ КИНОЗАЛА

БЕЗ ЧУВСТВА МЕРЫ

Сегодняшний день тем и знаменит, что представляет собой период решительной ложки членовеческого сознания, бурной подавки незыблемых, как еще недавно казались, понятий, ценностей, отношений, взаимоотношений. Нечто как безудержно галопирует сейчас на коне гневности по дарам и венам, до сей поры не видимым, рискуя покалывать и выпадать из седла и свирепить себе шею.

Однако далеко не все хотят понять очевидное: люди приспособились жизненным откровениям, газетно-журнальным изобилием, кино- и телевидением о собственной жизни. Люди истосковались по добруму вчера.

Переходя к разговору о кинематографе, приходится с горечью констатировать, что и он покуда не замечает такой смены настроений у своих зрителей и у тех, кого не торопится не ее отреагировать.

С экраном второй уин год любят потешиться, замечанный не ювенальностью, а юродством здешних умов [недаром же мы всегда были ими пренебраны]. Бывший натурализм вступает с ним в новые подсобности и придает этому верхнюю долголгую крепость и аромат, а рекламы гарантят твердый спрос на сию эпоху, прописанную нам от слепоты, глупоты и ленимы разумом.

Прекраснейшая несамоизвестность ограничивается более ничего: ни вкуса, ни чувства меры. А уж о выборе тематики и проблематики и говорить не приходится: выбор широк. Были и до сих пор еще не до конца понятный эксперимент перестройки бойко тиражи-

ти против течения, той единственной ворды людей, из которых держится любая культура?

Ю. Богомолов, киновед (Москва):

— Я как раз хотел бы по-

святить свое выступление разговору об умении плыть по течению.

В нашем искусстве с са-

мого начала существовали

прокламация и апология кол-

лективизма и индивидуали-

зма. Но дигиты то и

другие в жизнь могущие ин-

дивидуалисты — Малков-

ский, Элзенштейн, Мейер-

хольд. И тем не менее инди-

видуализм может сделать жанровое кино, которое воспринимается зрителем как обещание, на которое рассчитывает.

Ю. Богомолов, киновед (Москва):

— Я как раз хотел бы запрашивать, выходить из круга зла, стро-

го предстегает от несвоевременных полетов, требует привлечь и заманить, коммерче-

ское кино далее, как прави-

ло, предлагает пустышку.

Физиологических потребно-

стей; секретаря района, компенсирующий неприме-

нности по службе сексуаль-

ным удовлетворением («ЧП районного масштаба»). Или

муж и жена, исполняющие

спутнические повинности по

браковому обязательству

(«Трудно первые сто лет»); изнасилование («Меня зовут Арденни»).

Экранные как бы запрашивают, выходить из круга зла, стро-

го предстегает от несвоевременных полетов, требует

погружения в мир кощура и абсурда. И здесь рождается сомнение. Ранее экран ут-

ти столько же пряды, сколько в сладких, безудержно оптимистичных и сказочных историях начала 40-х годов. Тогда зритель ждал утешения. Теперь ждет разоблачений. Тендер ждет разоблачений и мести. Кинематограф отвечает этим ожиданиям, и скажу, резко — спекулирует на них.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил, что искусство изменилось.

Л. Ропаль, киновед, драматург (Москва):

— Нетривиальный кинематограф

сегодня проходит то, чего он раньше не проходил

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

нуть не нее. Истории молчания, а потом неистовые пляски означают, в сущности, одно и то же: ты остался тем же, ты был рабом в преклонении, ты остался рабом и в бунте.

И кино не миновала мода на Сталина. Его портреты, скульптуры, гигантские монументы сопровождают нас из фильма в фильм. Чтобы напомнить? Да ведь такое не забывается. Чтобы уточнить? Да ведь тут, скорее, общее подминает частное. Неужели мы не поймем сломленную судьбу автогонки, не увидев прекрасно снятые гипсовые останки монумента в фильме «Бич боязни»? Остальные примеры — на память каждого. Превзошел всех, на мой взгляд, режиссер Борис Шамилев: у него в «Восхождении на Фудзиму» персонажи на пикнике пытаются спрятаться в тень от праздничных транспарантов для демонстрации. Такое ощущение, что Рашидов, Кунавас, Суллов, Брежнев принимают участие в общем пиршестве на природе. Но, мало того, в разгар праздничного салюта будто содрогнулась земля, и блокшившая горная вершина оказалась каменным лицом генералиссимуса, видимо, прикрытия до поры песком и щебнем. Как же не заметить, что этот прием — хакрахи для скромки.

Невольно радуешься деликатности, с которой режиссер Ишхумадов и его сценаристы Алишев и Исхаков в фильме «Шок», рассказывающем о явлениях «граждановинцы» и «адъюванные», обожились без этих фамилий, без хрюканий, вообще без стрельбы по слетевшим мишениям.

Увы, чаще встречают другое. Сегодня многие сделались индивидуалистами свободы, Спекулянтами от ее имени. В. Хотиненко, режиссер (Свердловск):

— Так получилось, что о чём бы мы ни начинали говорить, мы так или иначе какаемся свободы, по-разному понимаемую, по-разному трактую. Я бы хотел сказать, что гарантами свободы являются сама свобода. Художники, наверное, нужны те гражданские свободы, которые необходимы всем гражданам нашей страны. Плюс свобода внутренняя, творческая — ведь он Художник.

В. Божович, киновед (Москва):

— А между тем свобода — это не только свобода «от», но это и свобода «для», и именно в этом смысле она внутренняя. Вот этой внутренней свободы мы не накопили. Или накопили в недостаточной степени. Когда вдруг перед нами открылись ворота для ее реализации, оказалось, что многим из нас ревновать нечего...

НАШ КОММЕНТАРИЙ. Дискуссия первого для сидетельства об отрезвлениях, сменявшем некоторую эйфорию по поводу возможностей, открывшихся после «свободительного» Съезда. Кажется, большинству стало ясно,

что отмена запретных тем еще не есть гарантия волеизъявления писателей. Да что там шедевры! Просто добрых и ярких, сильных и зрелищных картин по-прежнему ощущают не хватает. Как недостает и самим художникам той внутренней, естественно ими ощущаемой свободы творчества, которая предполагает не вседность, а краеугольную ответственность перед искусством, зрителем, обществом, самим собой.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. «СОЦРЕАЛИСТЫ — ДА — ПРОХОДИ!»

В. Денин:

— Искусство приснопамятных лет было всеми клялось с прошлым, когда изгнали из страны поэт Иосиф Бродский, виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович. Все было сделано, чтобы не вернулся на Родину кинорежиссер Андрей Тарковский. Для чего это делалось?

Лихачева. И думаю, что между ними компромисса нет и быть не может.

Речь идет только о том, чтобы не превращать споры в области эстетики, литературы, культуры и даже политики в кровавую борьбу.

Я люблю Пушкина. Но всегда хотел бы, чтобы Музей изобразительных искусств из Волхонки носил имя Ивана Владимиировича Цветаева, члена-корреспондента Петербургской академии наук с 1904 года, основателя и первого директора музея, который так прекрасно назывался Музей изящных искусств.

Страшно, когда разутышили связи с прошлым, когда изгнали из страны поэт Иосиф Бродский, виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович. Все было сделано, чтобы не вернулся на Родину кинорежиссер Андрей Тарковский. Для чего это делалось?

Новый результат движения художественного процесса, продукт своего времени, неповторимый плод труда, таланта и советских поколений художников, творящих в соответствии со своим мировоззрением и видением действительности, своим пониманием человека, правды, нравственных ценностей...

Пленум постановляет изъять из премибумы Устава Союза кинематографистов СССР абзац, утверждавший приоритет метода социалистического реализма для советского киноискусства.

Д. Патрик, продюсер (Бельгия):

— Возможны два пути вперед — культурный и коммерческий. Важно, чтобы и мы, и ваше правительство подумали, что важнее.

Культурный путь требует полной поддержки государства. И можно защищать этот путь. Однако в стране, где так много требует срочного

вальд-Хилькевич займется биографией Пушкина, которого сыграл Майкл Джексон. Первомайская шутка была воспринята всерьез многими. И не случайно.

НАША РЕПЛИКА. Еще был «Мать» Горького предметом изысканий из Италии. «Отечественные» уже пересказали Чехова по-итальянски-историевски. И еще десятки, если не сотни проектов, как снять советский фильм на языке, а на долларах.

К. Залусси, кинорежиссер (Польша):

— Я сидел в журнале какого-то фестиваля, где смотрел советские фильмы с английскими надписями. В картинах «Изны» Ильми Самина герой обращается к своему другу с вопросом: как жить? А в английском переводе мы читаем: что делать? Вскоре звучит бесстыдно, но мне хочется иметь здесь только потому, что невозможно перевести. И я глубоко уверен, что все мои коллеги, которым удалось добиться серьезного успеха в американском кинематографе, умели это. И вот вдруг советский режиссер предстает перед зрителем, как мелочность, это никакое обличие. И это неизвестно никому, что передает точный смысл.

Н. Михалков, режиссер (Москва):

— Мы говорим о возможностях работы с Западом. О каком сотрудничестве может идти речь, когда мы считаем деньги в чужих карманах и не понимаем, что до момента, пока мы не будем иметь себя, нас никто не будет никогда уважать. Это небывалые сутченки, эта возможность иметь здесь лишь шесть триумфов: так машины через ящики проезжают. Так героями удачами. И вот вдруг советский режиссер предлагает картины, где пустят глаза в снег. Они этого не делали. Вот и весь смысл фильма.

Коря Петрович, киновед (Грузия):

— Любовь и красота спасают человечество. А любовь и красота заключены в поэзии, неувядаемой, вечной форме кифологии. Только признав ее и этим гордясь, мы можем с новыми высотами нашего искусства на какой-то новый пик. Делается это профессионально на коммерческом уровне или делается это с участниками высокого искусства — это другой разговор. Но показание картин Леллоша о любви или фильмов типа «Крамер против Крамера» — это, на верное, тоже естественный процесс гуманизации общества, который должно время от времени очищаться.

НАШ КОММЕНТАРИЙ. Мы привели здесь мысли далеко не всех участников пленума. Были высказывания иностранных коллег, тоже заслуживающие внимания. Но две тенденции, две волны отражаются в высказываниях Одина: нам навсегда нужна художественная культура на мировом уровне, кинематограф и киноведение должны быть единой национальной школой.

Одна из них навсегда останется на мировом уровне, кинематограф и киноведение должны быть единой национальной школой.

Сейчас идет спор — как же нам выйти на мировой экран, на мировой кинорынок, как сделать, чтобы мы пришли, поняли, увидели.

У нас с Никитой Михалковым идет уже давний диалог. Он по-своему прав. Не прав он, как мне кажется, в этом обязательной установке — поплыть за то, что мы будем правдиво и сердечно выражать наши проблемы. Мы будем поражать их правдой, и зрителям поверят. «Летят журналистики» имел коммерческий успех во всем мире. Если есть внутренняя сила в картине, есть дух, то можно будет пробираться к зрителю.

О. Рудин, председатель «Совсизспортфильма»:

— В последнее десятилетие интерес и количество посещений советских фильмов за рубежом упало в два или три раза.

В Чехословакии заполнились залы на советские фильмы за последние пять лет составила 12 процентов. Каждый шестой сеанс отмечается, потому что не покупают билеты на советские фильмы. Вместе сократился интерес к картинам наших фильмов в два раза, интерес к нашим фильмам резко падает, и, чтобы выжить, нам придется искать новые способы привлечь зрителей, на которых наших фильмах пишут производство США. Так было с фильмом «Альянс», так было с фильмом «Тайны мадам Вон».

Если говорить о странах капиталистического лагеря, мы добились определенных успехов, и я не могу этим не гордиться.

Что касается коммерческого проката, никогда не одна советская картина в коммерческом прокате США не была успешна. Если говорить о странах капиталистического лагеря, мы добились определенных успехов, и я не могу этим не гордиться.

А. Герман, режиссер (Ленинград):

— Я хочу рассказать, как смотрят, как воспринимают наши фильмы на Западе.

Моя «Проверка на дорогах» имела успех в Голливуде. Ее много раз смотрели специалисты. И потом пододали нам все американские режиссеры и говорили: «О, Алексей! «Проверка на дорогах» — замечательно. Вели-

ческое кино! Это естественно. Но сколько же естественно, чтобы наши идеи передавались в различные дела. Планку закончили.

Т. Ладди, продюсер (США):

— Думаю, что если наши высококоммерческие американские картины, которые тем не менее представляют определенные трудности для зрителей, так навсегда идут в Соединенных Штатах, то не надо исключать иллюзий. Не зря же лучшие ваши картины будут идти с большими коммерческими успехом. Но если все-таки идет в США пусть не большой, но рынок, и очень важны для той аудитории, которая их смотрит.

А. Герман, режиссер (Ленинград):

— Я хочу рассказать, как смотрят, как воспринимают наши фильмы на Западе. Моя «Проверка на дорогах» имела успех в Голливуде. Ее много раз смотрели специалисты. И потом пододали нам все американские режиссеры и говорили: «О, Алексей! «Проверка на дорогах» — замечательно. Вели-

ческое кино! Это естественно. Но сколько же естественно, чтобы наши идеи передавались в различные дела. Планку закончили.

Г. СИМАНОВИЧ, П. СМИРНОВ:

Свобода творчества. А дальше?

самодержавие — народность. А второй сводился к догматичности, вырыванием из контекста ленинской фразы о «колесиках винтиках и интигах общеполетарского дела».

Идеалом такого «правильного» искусства было и остается социалистическое реалистическое творчество. Несмотря на десятилетия, когда изгнали из страны поэт Иосиф Бродский, виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович. Все было сделано, чтобы не вернулся на Родину кинорежиссер Андрей Тарковский. Для чего это делалось?

О. Генишарский, философ (Москва):

— Мы говорим о деидеологизации культуры и искусства. Может быть, и не столько вспоминание о творческих штампах. Может быть, и не нужно было еще раз иронизировать над партийностью, при этом не всегда расчитано. Пародично, но в целом это вспоминание о «правильном» искусстве.

Однако поступить так — значит не заметить, что сознание нации и культуры, среда жизни еще заграждены штампами этого предыдущего процесса идеологизации и отнесен к этому явлению с презрением.

С. Фрейлих, киновед (Москва):

— У нас сегодня есть две

бессодержательные «признания», или изображение эстетических категорий, какими мы каким образом воспринимаем мир. И эти категории, в свою очередь, определяют идейные задачи, которые мы ставим перед зрителем. С. Фрейлих, киновед (Москва):

— У нас сегодня есть две

творческие методы и на-

правлениям, к которым не при-

зываются и плюхованы на

драматическую оценку...

Из РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНАРНОГО

И. Рыбаков, киновед (Москва):

— Мы не случайно поме-

стили на сцене не президиум

из секретарей союза, а весь

кинокритикатический

и творческий коллекти-

вый, включая и писателей

литературы, и художников

изобразительных

искусств, и компози-

телей, и писателей

литературы, и писателей

Театральный сбор в конце сезона «На обочине», объявленный редакцией газеты «Советская культура», всесоюзным объединением «Союзтеатр» СТД СССР и Домом культуры МЭИ, завершился. Семь дней на сцене ДК студентов-энергетиков показывали свои экспериментальные работы профессиональные коллективы столицы. Впрочем, два последних фестивальных вечера были отданы гостям из других городов. Композитор Сергей Самойлов и артисты балета ленинградских театров показали спектакль-импровизацию «Песни о грустного сфинкса из звезды Ориона», а челябинский областной театр кукол «Лабиринт» заехал «На обочину» с размышлениями на темы произведения Ди. Л. Сильвижера и С. Янга «Что было после спасения» (режиссер Михаил Хусид).

Театральные критики обсудили увиденные спектакли. Сошествовала празднику и спектакльная фестивальная газета «На обочину» — четыре ее номера вышли под редакцией моего коллеги А. Соколовского. Проводилось анкетирование, участники которого высказали свою суждение по итогам завершающегося театрального сезона. Зрители познакомились с выставкой молодых художников из объединения «Московская палитра».

В следующем выпуске «Сцены» мы постараемся подробнее рассказать о спектаклях, состоявшихся в афиши «Обочины». А пока благодарим всех ее участников, гостепримных хозяев из ДК МЭИ и, конечно, спонсоров — ими были советско-бо-

До нового сезона!

Гарское объединение «Лингвотехника» и межотраслевой молодежный центр «Политон».

...Гастрольное лето. Оно уже начинается, именно в него выручают сейчас коллективы, славящиеся остановкой на нашей «Обочине».

Успеха всем!

В. ПОТАПОВ.

● Александр Филиппенко играет моноспектакль «Когда мы были молодые...».

● Сцена из спектакля «Здесь есть у нас не Париж, не Вена...» музыкального театра «Третье направление».

Фото М. Ефимова и К. Корневова.

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ **«ПЕТРУШКА» В ГЛАЗО**

На сцене шотландского «Тиэт роял» в Глазго известным советским хореографом Олегом Бенгровским осуществляется оригинальная постановка балета И. Стравинского «Петрушка».

Желание воплощать Стравинского живо во мне всегда. Я начал обдумывать его «Историю солдата». Но обстоятельства складывались иначе: будучи главным балетмейстером в Малом оперном и Кировском театрах, так и не смог обратиться к Стравинскому. И вот год назад, когда наш театр был на гастролях в Англии, руководитель Шотландского балета предложил мне поставить у них «Петрушку».

Олег Михайлович, нам знаком по ряду постановок «Петрушка» М. Фокина. Специально для В. Васильева создал свою версию М. Бекар. А каков ваш балет, что вы стремитесь в нем выразить?

— Я поставил спектакль с сегодняшним днем, о его противоречии, который недавно доводит людей до трагических исходов. И в то же время о человеке, который не захотел жить механически, бездумно. За те месяцы, которые предшествовали работе с шотландской группой, я думал о режиссуре, хореографии, много раз слушал музыку. Именно в ней нашла ассоциации с современностью. Написавши И. Стравинским в начале нового бурного века, она отражает борьбу, поиск и в этом борьжении — судьбу отдельного человека. Художники В. Окунёв и И. Пресс, на мой взгляд, удачно сделали оформление и kostюмы. Заглавную партию исполняла ведущая солистка группы Тристан Борер.

— Есть ли у вас еще планы в отношении «Петрушки»?

— Да, с начала сезона в ходу поставили его в Кировском театре. С. САМСОНОВА.

Букет **«Серебряных роз»**

— наград международного телевизионного фестиваля развлекательных программ и фильмов в Монтерее — собрались у советского режиссера Евгения Гинзбурга. Первую звезду в 1976 году за «Волшебный фонарик». Вторую — с перерывом в двадцать лет — за картину «Остров погибших кораблей». И третью — на дне — за фильм «Румынская дама по прозвищу Пышка».

Ценности швейцарских «Роз» велики не потому, что они изготовлены из серебра. А потому, что каждая из них завоевана в остром творческом соперничестве.

Т. МАРТИНОВА.

Чтобы построить, ни стационаров им не построить, ни квартир или хотя бы сносных общежитий. Но вот — новые поездки в Воркуту и Кимры... и снова не могу молчать.

В Воркуте праздничные мероприятия «раздвигаются». Например, на Новый год наряжают по две ели: одну театральную, другую Дворец культуры шахтеров и строителей. Расположенные в одном здании, уставшие за сорок пять лет совместного существования от бесконечного выяснения отношений, два коллектива детей города делают на «своих» и «чужих».

Впрочем, что же тут нового? Примерно так же десятилетиями живут театры в Березниках, Бугуруслане, Черемхово, Новомосковске, Арамзасе, в Пермской, Оренбургской, Иркутской, Тульской, Горьковской областях. Привыкли, притерпелись.

В Воркуте один утренник играли в клубе шахты «Комсомольская»: дети в шубах, шумят, ходят по залу. Они, конечно, не могут профессионально сформулировать, отчего им скучно, но сощращенная до одного часа и трех действующих лиц сказка В. Орлова «Золотой цыпленок», убегая из трех фарфоровых раскрашенных елок оформление, магнитофонная запись, которая хранил от актеров, вполне красоречивы.

Другую сказку — «Хрустальная башня» Т. Габе выпустили при мне. Шли последние репетиции — впрочем, последние на этот раз — и сощращенная до одного часа и единственный — я был всего четыре на сцене. Театр по договору с дворцом получает три дня в неделю: хочешь — играй, хочешь — рецитируй.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

— Нашему рабочему заполярному городу нужен, необходиим театр, — уверяет мэрия секретарь городского комитета партии Г. Лобова. А заместитель председателя горисполкома И. Емельянова высказывает еще решительнее: мы будем биться за театр грядущий!

Но ведь сегодня театр лишь名义上存在 в списках городских учреждений, ничего не определяет в его духовной, культурной жизни. Посмотрите сами: за прошлый год здесь было сыграно сорок три вечера спектакля — сейчас я даже не говорю об их качестве, только о количестве, — но если учесть, что даже на бумаге на каждом из них было меньше, чем по триста человек, то полноценных по числу зрителей могло бы состояться двадцать, не больше, спектаклей. Иной раз мне кажется, что за уверенными в необходимости театра ничего, кроме амбиций, не скрывается.

В Воркуте живут надежды, что в 13-й пятилетке им разрешат наконец построить для театра здание. Вот-вот должна завершиться почти десять лет длившаяся реконструкция кимрского театра. Но ведь в Борисоглебске, Северодвинске новые замечательные здания появились, а артистов в них нет, как нет. После пятидесяти лет мно-

го склонялась писать о городских театрах... Что проку, если из слов ни стационаров им не построить, ни квартир или хотя бы сносных общежитий. Но вот — новые поездки в Воркуту и Кимры... и снова не могу молчать.

В Воркуте праздничные мероприятия «раздвигаются». Например, на Новый год наряжают по две ели: одну театральную, другую Дворец культуры шахтеров и строителей. Расположенные в одном здании, уставшие за сорок пять лет совместного существования от бесконечного выяснения отношений, два коллектива детей города делают на «своих» и «чужих».

Впрочем, что же тут нового? Примерно так же десятилетиями живут театры в Березниках, Бугуруслане, Черемхово, Новомосковске, Арамзасе, в Пермской, Оренбургской, Иркутской, Тульской, Горьковской областях. Привыкли, притерпелись.

В Воркуте один утренник играли в клубе шахты «Комсомольская»: дети в шубах, шумят, ходят по залу. Они, конечно, не могут профессионально сформулировать, отчего им скучно, но сощращенная до одного часа и единственный — я был всего четыре на сцене. Театр по договору с дворцом получает три дня в неделю: хочешь — играй, хочешь — рецитируй.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

— Нашему рабочему заполярному городу нужен, необходиим театр, — уверяет мэрия секретарь городского комитета партии Г. Лобова. А заместитель председателя горисполкома И. Емельянова высказывает еще решительнее: мы будем биться за театр грядущий!

Но ведь сегодня театр лишь名义上存在 в списках городских учреждений, ничего не определяет в его духовной, культурной жизни. Посмотрите сами: за прошлый год здесь было сыграно сорок три вечера спектакля — сейчас я даже не говорю об их качестве, только о количестве, — но если учесть, что даже на бумаге на каждом из них было меньше, чем по триста человек, то полноценных по числу зрителей могло бы состояться двадцать, не больше, спектаклей. Иной раз мне кажется, что за уверенными в необходимости театра ничего, кроме амбиций, не скрывается.

В Воркуте живут надежды, что в 13-й пятилетке им разрешат наконец построить для театра здание. Вот-вот должна завершиться почти десять лет длившаяся реконструкция кимрского театра. Но ведь в Борисоглебске, Северодвинске новые замечательные здания появились, а артистов в них нет, как нет.

После пятидесяти лет мно-

Усталая тема

ЕЩЕ РАЗ О БЕДАХ ГОРОДСКОГО ТЕАТРА

Зарекалась писать о городских театрах... Что проку, если из слов ни стационаров им не построить, ни квартир или хотя бы сносных общежитий. Но вот — новые поездки в Воркуту и Кимры... и снова не могу молчать.

В Воркуте праздничные мероприятия «раздвигаются». Например, на Новый год наряжают по две ели: одну театральную, другую Дворец культуры шахтеров и строителей. Расположенные в одном здании, уставшие за сорок пять лет совместного существования от бесконечного выяснения отношений, два коллектива детей города делают на «своих» и «чужих».

Впрочем, что же тут нового? Примерно так же десятилетиями живут театры в Березниках, Бугуруслане, Черемхово, Новомосковске, Арамзасе, в Пермской, Оренбургской, Иркутской, Тульской, Горьковской областях. Привыкли, притерпелись.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привычка. Привыкли город и театр, артисты, администрация, городские власти пустыни в зале креслом, и отсутствие серьезной репетиционной работы, и плохими спектаклями, с немыслимыми, противоречиями всем нормам бытования искусства условиями. А некоторым в этих обстоятельствах даже стало удобно: директор, ведущий актер ставят спектакли, другой актер их оформляет, многие мужики творчеством при этом не затрудняются — ссылаясь на трудности администрации любую.

Самое ужасное в воркутинской театральной ситуации — это привы

